

УДК94(470) «1863/1887»

В.Н. Кудряшев

М.Н. КАТКОВ В РОССИЙСКОМ ИМПЕРСКОМ ДИСКУРСЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Исследуется сформулированный М.Н. Катковым принцип имперской идентичности, основанной на восприятии русской нации, как политического единства множества народностей, сохранивших этническую самобытность. Показано, что понятие политической нации совмещалось в его доктрине с этноконфессиональной опорой на русскую национальность. Подобный формат национальных отношений требовал достижения определенного компромисса между русской национальностью, остававшейся самой крупной этнической группой и остальными национальностями, что достигалось определением государства как единственного субъекта национальной политики, определявшего объем прав этнических групп.

Ключевые слова: нация, национальность, Российская империя, межнациональные отношения.

Наряду со славянофильским направлением в российском национализме второй половины XIX в. выдвинулось течение, считавшее субъектом национальных процессов в России не русскую нацию как особое этно-религиозное единство, а русское государство, целенаправленно формирующее русскую нацию. Представляется возможным с точки зрения отношения к государственно-национальному устройству России определить его как имперское. Безусловным лидером данного течения в освещении национальных проблем во второй половине XIX в. был М.Н. Катков.

Нация, в представлении Каткова являлась не этнической, а прежде всего, этнополитической категорией. Русская нация должна была оставаться единственной нацией России, но при этом продолжала состоять из множества этнических элементов. «Национальное единство не есть однообразие», – писал Катков, считая сохранение этнической самобытности народов России залогом ее успешного развития. Гарантировать свободное развитие народностей и личности могло только сильное, сплоченное государство. Поэтому право на этническую самобытность следовало отделять от претензии на политическую самостоятельность [1. С. 878–879].

При этом Катков не различал понятия «нация» и «национальность». Русским для него был и представитель велико-мало-белорусской народности и любой подданный русского государства. В результате, провозглашая полиэтничность, публицист фактически отказывал представителям нерусских народностей в самоназвании: «Племенное происхождение не определяет национальности, вероисповедание – также. Национальность людей определяется национальностью государства. Государство не может не быть определенной национальности, если только оно не клонится к разру-

шению, как Турция, или не держится лишь на балансе, как Австрия. Все русские подданные суть Русские и по своей национальности, какого бы они ни были племени или какую бы ни исповедовали веру, ни в дурном, ни в хорошем, в этом случае, не может быть допущена какая-либо исключительность» [2. С. 424]. Правда, подобные заявления Катков адресовал только народностям, претендовавшим, в его представлении, на политическую самостоятельность, то есть бывшим конкурентами русской нации (немцам, полякам): «Немцами можем мы называть только граждан или подданных какого-либо немецкого государства, но граждане и подданные русского государства не могут называться Немцами, если только слово: Немец должно иметь смысл определенной национальности» [2. С. 424].

Таким образом, русская нация для Каткова – это все подданные русского государства, вне зависимости от этнической и религиозной принадлежности [3. С. 77]. Также и русский язык – государственный, а только потом язык русского народа [2. С. 424].

Очевидная приоритетность политической идентичности над другими проявлялась у публициста в его отношении к религии. Считая православие государственной религией, он тем не менее отказался от ее использования для выявления принадлежности к русской нации. Более того, он настаивал на важности разделения в общественном сознании понятий «поляк» и «католик». Польские сепаратисты всегда считали католичество важнейшим национальным маркером и отграничителем от России. При этом в «поляки» попадали католики – малорусы, белорусы, составлявшие значительную часть населения Западного края и являвшиеся важнейшим доводом в претензиях поляков на признание его польскими землями.

Славянофилы отказывались видеть в них полноценных русских, настаивая на необходимости возвращения «к вере отцов» и видя в этом важнейший элемент «обрусения» края. Катков полагал, что они уже являлись русскими в силу русского подданства и теперь важнее было окончательно разорвать связь с прошлой польской государственностью. Для этого необходимо было добиваться обязательности использования в русских регионах Западного края только государственного – русского языка в ведении католической службы [4. С. 268].

Но, провозглашая полиэтничность русской нации, публицист настаивал на закономерности сохранения доминирования русского этнического элемента [5. С. 680]. Катков не считал, что идея господствующей нации, господствующей религии и языка нарушала права других народностей в составе Российской империи. Они могли свободно развиваться, будучи народностями, но «политической народностью» должна была оставаться русская, чьи язык и верования были государственными. Иной вариант означал бы признание в России другой политической нации, а, следовательно, иного, не только российского подданства [6. С. 353–354].

Катков выступил против набиравшей популярность в научных и политических кругах Европы теории о неизбежности децентрализации России путем предоставления политической автономии народам, входившим в ее состав. Среди доводов сторонников данной идеи на первом плане были этническая разнородность России и ее огромная территория, делавшие невозможным эффективное государственное управление. Однако, утверждал Катков, огромные размеры России стали результатом естественного и постепенного расселения все увеличивавшегося русского народа [7. С. 843–845]. Что же касалось этнического разнообразия, то большинство европейских стран, например Франция, также имели при формировании неоднородный состав. Но мощное централизованное государство выступило объединяющей общенациональной силой, создав цельное и однородное сообщество [7. С. 846–847]. В России также единая государственность, персонифицированная в царе, сплачивала многонациональное сообщество [7. С. 844].

Русский народ абсолютно преобладал численно и был сплоченным единством языка, веры, общей исторической деятельностью. Кроме того, он был центром самого крупного славянского племенного сообщества, что усиливало его консолидирующую роль. Даже поляки, всегда противо-

стоящие русским, были этнически родственной группой, что создавало возможности взаимодействия. Таким образом, доминирование русского этнического элемента было абсолютным и русский национальный характер государства исторически обусловленным. Катков отрицал наличие в России каких-либо объективных условий для политического самоопределения входивших в ее состав народов. Сепаратизм он воспринимал не как национальные движения внутри России, а как умонастроения небольших групп национальных элит, поддерживаемых русской либеральной интеллигенцией. И то, и другое, в свою очередь, было результатом воздействия идеологических диверсий враждебных России европейских сил [8. С. 849–851].

Катков отвергал идею монархического федерализма, предполагавшего пребывание в составе государства нескольких «политических наций» и равноудаленность от них верховной власти [9. С. 603]. По мнению публициста, это не устраняло межнациональной напряженности и вражды, но лишало власть устойчивости в силу отсутствия народной основы. Государство и нация связаны между собой, государство должно опираться на нацию, поэтому Российское государство всегда было государством русской нации. Предложение о политической автономии наций в составе единого Российского государства неизбежно ставило вопрос о дроблении высшей суверенной власти, то есть вело к распаду государства [8. С. 869–871].

Публициста тревожило сохранение в составе Российской империи автономных анклавов, где не работали в полном объеме российские законы и где существовали ограничения в правах для российских подданных [8. С. 872–873]. Финляндия и Польша имели свою автономию, исключительно благодаря великодушию Александра I, и являлись «абсолютно искусственными политическими образованиями» без всяких оснований на статус политических наций. Они должны были в достаточно близком будущем слиться с остальной империей [9. С. 606].

Катков предлагал сделать имперский принцип основополагающим для русского национализма. Государство обеспечивало политическое единство огромного пространства Российской империи. Но это, по мнению публициста, только создавало первичную основу консолидации. Необходимо было сформировать в господствующем русском народе имперское самосознание. Обеспечение преобладания имперской идентичности над этнической следовало начинать с развития ее в русском народе, который должен был воспринимать как нацио-

нальное пространство всю территорию Российской империи, а не только свои исторические или этнические земли. Результатом должно было стать не формирование чувства превосходства над другими народностями, а, скорее, ответственности за всю империю. Равно и другие народности должны были прийти к доминированию ощущения себя «русскими», то есть подданными русского государства, сохраняя свои этнические привязанности [10. С. 259–260].

Государство и национальность, подчеркивал публицист, тесно связаны между собой, хотя как понятия различны. Государство – сущность, национальность – качество. Нация не могла существовать без и вне государства. Племена, не облекшиеся в форму государства, были обречены на распад. Государства могли возникать на основе множества племен, но только если среди них присутствовал преобладающий элемент, который становился национальной основой. Следовательно, необходима была господствующая этническая группа, способная объединять другие. Катков не говорил о необходимости ассимиляции, народности могли сохранять язык, верования. Но нация, ставшая таким интегрирующим элементом, давала государству название, государственный язык и религию. Если национальная доминанта отсутствовала, государство неизбежно ждал распад, именно по границам народностей, претендующих на статус наций [11. С. 423].

Итак, Катков попытался сформулировать принципы имперской идентичности, основанной на восприятии русской нации как политического единства множества народностей, сохранявших этническую самобытность. Вместе с тем политическое единство многонационального государства совмещалось с этноконфессиональной опорой на русскую национальность. Господствовавшая православная вера не исключала наличия других конфессий. Государственным языком был язык преобладавшей нации, но сохранялось языковое многообразие на культурно-бытовом уровне.

Подобный формат национальных отношений требовал достижения определенного компромисса между русской национальностью, остававшейся

самой крупной этнической группой, и остальными национальностями. Базовым принципом стало признание абсолютного приоритета государства как единственного субъекта национальной политики. Все национальности становились исключительно объектами его деятельности и обретали определенный объем прав, им установленных.

ЛИТЕРАТУРА

1. Катков М.Н. Цельность и однородность русского государства. Сепаратизм // Московские ведомости. 1864. № 254. 18 ноября // Передовые статьи из Московских ведомостей за 1864 г. М., 1887. С. 878–890.
2. Катков М.Н. Права и положение русского языка в Прибалтийском крае // Московские ведомости. 1865. № 151. 10 июля // Передовые статьи из Московских ведомостей за 1865 г. М., 1897. С. 421–426.
3. Катков М.Н. Проект нового закона о печати в Финляндском сейме ... // Московские ведомости. 1864. № 27-А. 1 февраля // Передовые статьи из Московских ведомостей за 1864 г. М., 1897. С. 75–78.
4. Катков М.Н. Необходимость разъединения католицизма с полонизмом и русский язык как средство к этому // Московские ведомости. 1864. № 75. 2 апреля // Передовые статьи из Московских ведомостей за 1864 г. М., 1887. С. 268–270.
5. Катков М.Н. Передовая статья // Московские ведомости. 1864. 4 сентября // Передовые статьи из Московских ведомостей за 1864 г. М., 1887. С. 664–681.
6. Катков М.Н. Передовая статья // Московские ведомости. 1865. № 131. 16 июня // Передовые статьи из Московских ведомостей за 1865 г. М., 1897. С. 350–354.
7. Катков М.Н. Цельность и однородность русского государства. Сепаратизм // Московские ведомости. 1864. 9 ноября // Передовые статьи из Московских ведомостей за 1864 г. М., 1887. С. 838–853.
8. Катков М.Н. Цельность и однородность русского государства. Сепаратизм // Московские ведомости. 1864. № 252. 16 ноября // Передовые статьи из Московских ведомостей за 1864 г. М., 1887. С. 858–873.
9. Катков М.Н. Цельность и однородность Русского государства // Московские ведомости. 1865. № 211. 27 сентября // Передовые статьи из Московских ведомостей за 1865 г. М., 1897. С. 603–607.
10. Катков М.Н. Речь генерал-суперинтендента д-ра Вальтера перед открытием Лифляндского сейма и применимость его наставлений и к России // Московские ведомости. 1864. № 97. 1 мая // Передовые статьи из Московских ведомостей за 1864 г. М., 1897. С. 257–260.
11. Катков М.Н. Государство и национальность // Московские ведомости. 1867. № 170. 3 августа // Передовые статьи из Московских ведомостей за 1867 г. М., 1897. С. 422–425.